

На правах рукописи

Трошина Татьяна Игоревна

**НАСЕЛЕНИЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СЕВЕРА РОССИИ
В ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XX ВЕКА:
ДИНАМИКА И НАПРАВЛЕННОСТЬ
СОЦИАЛЬНЫХ ПРОЦЕССОВ**

07.00.02 – Отечественная история

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
доктора исторических наук

Архангельск – 2012

Работа выполнена на кафедре отечественной истории Института социально-гуманитарных и политических наук ФГАОУ ВПО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

Научный консультант:

Голдин Владислав Иванович, доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ.

Официальные оппоненты:

Полтораки Сергей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры истории и регионоведения ФГБОУ ВПО «Санкт-Петербургский государственный университет имени проф. М.А. Бонч-Бруевича»;

Саблин Василий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории ФГБОУ ВПО «Вологодский государственный педагогический университет»;

Сухова Ольга Александровна доктор исторических наук, профессор, зав. кафедрой новейшей истории и краеведения ФГБОУ ВПО «Пензенский государственный педагогический университет имени В.Г. Белинского».

Ведущая организация:

ФГБОУ ВПО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова»

Защита диссертации состоится 1 марта 2013 года в 14:00 на заседании Диссертационного совета Д 212.008.05 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора исторических наук при Северном (Арктическом) федеральном университете имени М.В. Ломоносова по адресу: 163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 2.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова по адресу: 163002, Архангельск, пр. Ломоносова, 4.

Автореферат разослан «_____» _____ 2012 года.

Ученый секретарь
Диссертационного Совета,
кандидат исторических наук, доцент

Т.П. Тетеревлёва

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы определяется важностью изучения социального опыта населения отдельных российских регионов, отличающихся разнообразными природно-климатическими условиями, яркими проявлениями самобытности на уровне социальной организации, хозяйственной жизни, бытовой культуры и менталитета населения. Своеобразие социальных процессов на Европейском Севере России связано с приспособлением к природно-климатическим условиям и влиянием патерналистских усилий государства, в результате чего население приобрело специфические формы организации социальной жизни.

Особую остроту социальная проблематика приобретает в направлении изучения реакции носителей традиционной культуры на воздействие модернизационных процессов в период крупнейших конфликтов первой четверти XX в. Подобное исследование Европейского Севера России предполагает оценку влияния процессов модернизации и урбанизации на состояние регионального социума, лишенного острых социальных противоречий и имеющего существенный запас компенсаторных механизмов.

Степень изученности темы.

Предпринятый автором анализ отечественной и зарубежной литературы касался выявления степени разработанности модели исследования региональной историко-социальной динамики как проявления исторического процесса.

Историографический анализ темы, представленный в I главе диссертации, убеждает, что исторической наукой накоплен значительный опыт изучения социальных процессов. Однако социальное развитие населения северных губерний Российской империи в условиях значительных общественных трансформаций до сих пор не являлось предметом комплексного и всестороннего исследования. Основные успехи в изучении региональной социальной проблематики сконцентрированы в области локальных вариантов макроисторических сюжетов, а также культурно-антропологических (этнографических) исследований. Методологическое разделение социально-исторических исследований, опирающихся на приоритеты макро- и микро-подходов, до конца не преодолено.

Объектом настоящего исследования стало *население Европейского Севера России* в совокупности его исторического и общественного развития.

Предметом исследования являются наиболее динамичные и важные для изучаемой эпохи социальные процессы: социально-демографические изменения, урбанизация и социально-культурная модернизация в их региональной самобытности.

Цель исследования состоит в выявлении общего и специфического в социальной динамике жизнедеятельности населения Европейского Севера России в первой четверти XX в.

В соответствии с этим, в диссертации поставлены следующие **задачи**:

- сформулировать теоретико-методологические основы и научную концепцию исследования, носящую междисциплинарный характер;
- выявить репрезентативные возможности корпуса источников диссертации и их потенциал как основы для концептуализации версии исторического процесса;
- реконструировать социальную структуру населения северных губерний накануне и в процессе коренных трансформаций первой четверти XX в., также проследить ее изменения, установив соотношение новаций и традиционных констант;
- осуществить просопографическое исследование биографий уроженцев северных губерний – активных участников социальных процессов, используя синтез макро- и микро- подходов в изучении исторической реальности;
- исследовать исторические формы внутриобщинной солидарности населения, а также алгоритм ее развития в условиях кардинальных общественных, экономических и политических трансформаций;
- раскрыть взаимовлияние социального опыта, зафиксированного в относительно статичных структурах и устойчивых представлениях, и коллективных практик, применяемых населением в условиях радикальных политических изменений.

Хронологические рамки исследования охватывают первую четверть XX века. В качестве нижней даты взят рубеж XIX-XX вв. – начало российской индустриализации и связанного с ним демографического перехода, которые в совокупности «включили» механизм ускорения социальных процессов. Верхней датой условно определен 1925 г., «вершина» нэпа, в условиях которого произошло возвращение к социальным отношениям и стандартам жизни, характерным для предреволюционного периода, хотя и в несколько деформированном виде.

Этот хронологический интервал разбивается на три этапа: 1) период поступательного, но при этом неравномерного социального развития 1900-1914 гг.; 2) период резких, разнонаправленных, иногда взаимоисключающих процессов, происходивших в военно-революционную эпоху (1914-1920 гг.); 3) восстановительный период, представляющий собой возвращение общества к нормальному развитию (начало 1920-х гг.). Происходившие изменения носили

как эволюционный, так и революционный характер, с неизменными «откатами» на тех участках социальной жизни, где резкие изменения отдельных ее сторон вели к существенному их отрыву на фоне более равномерного общего развития.

Территориальные рамки исследования определены как *Европейский Север*, а именно, территории Архангельской, Вологодской и Олонецкой губерний в рамках 1917 г. В настоящее время это территории Архангельской, Вологодской и Мурманской областей, Республики Коми и Республики Карелии. Кроме конкретных административных границ, неоднократно подвергавшихся в изучаемую эпоху изменениям, данное понятие представляет собой территориальное обозначение, которое обеспечивается общими природно-географическими, ресурсно-экономическими, историко-культурными характеристиками.

Методология исследования определена с учетом специфики поставленной цели и исследовательских задач. Работа выполнена в русле *новой социальной истории* и опирается на опыт социально-исторических, историко-антропологических и локально-исторических исследований. Подробное обоснование методологии представлено в I главе диссертации.

Исследование основано на совокупности аналитических подходов и общенаучных принципов, способствующих анализу, обобщению и интерпретации эмпирических данных. Специфика объекта и предмета, хронологические рамки исследования, включающие наиболее активную фазу перехода от традиционного к современному обществу, потребовало применения *системного подхода*, позволяющего свести многообразные стороны изучаемого объекта в единую исследовательскую схему.

Применение в диссертационном исследовании *междисциплинарного подхода* и *методологического синтеза* вызвано следующими мотивами:

1. Социальные процессы как совокупность взаимодействий людей и постоянных изменений с известными трудностями поддаются верификации, что существенно осложняет их описание, изучение и интерпретацию.

2. Изучение социальности массового поведения в эпоху резких исторических изменений предполагает анализ множества происходивших на микроуровне явлений и событий. Среди них – проявления коллективного опыта, исторически сложившегося в этой среде и воспроизводившегося его носителями на подсознательном уровне в экстремальных ситуациях. Необходимость адекватного объяснения этого аспекта данной социально-исторической реальности потребовала применения разработанного в других социально-гуманитарных дисциплинах понятийного аппарата.

3. Диссертация выполнена на основе разнохарактерных источников, что обусловило многообразие приемов работы с ними. В каждом отдельном случае выбор метода был связан с особенностями и возможностями конкретного источника и формулировкой исследовательского вопроса. Наряду с традиционными для исторического исследования методами (*историко-генетическим, сравнительно-историческим, ретроспективным*), в диссертации применялись методы, разработанные в других дисциплинах социально-гуманитарного блока и широко используемые в социально-исторических и историко-антропологических исследованиях.

Источниковой базой исследования являются документы из 320 фондов пятнадцати архивов России, в том числе центральных: Государственный архив Российской Федерации, Российский государственный исторический архив, Российский государственный архив социально-политической истории, Центральный государственный архив историко-политических документов, Российский государственный военный архив, Российский государственный военно-исторический архив, Российский государственный архив военно-морского флота; региональных: Государственные архивы Архангельской и Вологодской областей, Вологодский областной архив новейшей политической истории, Национальный архив Республики Карелия; ведомственных: Архив РУ ФСБ по Архангельской области, научные архивы Карельского научного центра РАН, Архангельского и Вельского краеведческих музеев.

Наиболее важными для исследования явились *документы, отражающие деятельность местных органов власти*, поскольку в изучаемый исторический период именно они обладали законодательной инициативой и административной самостоятельностью, проявлявшейся на уровне губерний, уездов, городов, волостей, сельских обществ. К этим документам относятся протоколы и указы различных собраний и сходов, отчеты местных органов управления, аналитические записки и доклады, следственная и судебная документация.

Особое значение для проблематики диссертационного исследования имеют документы личного происхождения, в первую очередь коллекции воспоминаний, находящиеся на хранении в государственных и ведомственных архивах.

Значительная часть использованных в диссертации источников введена в научный оборот впервые. Применялись и опубликованные материалы, в первую очередь официальные документы центральных и местных органов власти, статистические и справочные издания, аналитические записки и отчеты, а также

тематические сборники архивных документов, перечисленные в списке источников.

Опираясь на принципы системности и целостности при решении исследовательских задач, диссертант широко привлекал и другие виды источников, в частности *периодические издания*, относящиеся к 1898-1926 гг. Был осуществлен выборочный просмотр центральных изданий и сплошной анализ выходивших на территории северных губерний газет и журналов, в общей сложности 124 наименования. Автором также использовались этнографические материалы, бытовые очерки, путевые заметки и другие документы, содержащие информацию о населении Европейского Севера России.

Анализ информативного потенциала источников, принципы их выборки и научной критики представлены в I главе исследования.

Положения, выносимые на защиту:

1. Сформулированная в диссертации авторская методологическая концепция заключается в совмещении социально-исторических и историко-антропологических подходов к такому объекту исследования, как население отдельного региона. Социальная динамика в этом ракурсе рассматривается как взаимодействие длительных и кратковременных исторических процессов, имевших объективные и субъективные аспекты.

2. Поскольку диссертация выполнена в русле исторической антропологии, то логика исследовательского процесса имеет индуктивный характер: причину и смысл событий макроистории автор видит в массовых явлениях микромира – судьбах рядовых людей, которые, руководствуясь личными мотивами в достижении жизненных целей, своими пристрастиями, надеждами и заблуждениями влияют на ход исторического процесса. При этом их судьбы подвергаются давлению значимых для «большой истории» событий (войн, революций).

3. Информационный потенциал мемуарных источников, авторами которых были современники основных событий первой четверти XX в., заключается в том, что в них отражена конкретная региональная культура, элементы коллективной памяти, что позволяет объективно оценить социокультурное поведение населения региона в переломную историческую эпоху.

4. основополагающие культурные, психосоциальные характеристики жителей региона, разделенных на социальные группы (имущественные, профессиональные, возрастные, сословные и пр.), были порождены особенностями природно-климатической среды и предшествующим опытом проживания на данной территории. Поэтому они длительное время оказывали

сопротивление объективным обстоятельствам и усилиям властей, направленным на замену традиционных социальных связей отношениями, построенными на личных достижениях.

5. Факторами социальных изменений, происходивших в российских регионах в первые десятилетия XX века, кроме процессов объективного характера являлись ново-образовавшиеся элитные группы предреволюционной России. На Европейском Севере такими группами оказались интеллигенция, политические ссыльные, учащаяся молодежь. Они явно поспособствовали формированию в регионе политической и социально-культурной среды, в которой складывалась личность массового участника политических событий.

6. Поколение активных участников политических событий 1910-х гг. представляло собой поколение россиян так называемого «большого демографического перехода», который пришелся на 1890-е гг. Социализация этих людей происходила в условиях ломки традиционной системы личностных, семейных и иных социальных ценностей, ставших последствием процессов урбанизации, социально-культурной модернизации, ускоренной социальной и территориальной мобильности и иных новшеств, которые, являясь содержанием первых десятилетий XX в., были отягощены политическими катаклизмами военно-революционной эпохи. Совокупность этих обстоятельств создала условия для быстрого, но поверхностного приобщения народных «низов» к образцам культуры, к образу жизни и мышления высших слоев, что создало предпосылки для еще более резкого межпоколенного и социокультурного разрыва, с особой силой проявившегося в революционную эпоху.

7. Среди последствий имевшего место в начале XX в. имущественного и социального расслоения стоит выделить слом традиционных устоев, который создавал психологическое напряжение в отдельных группах населения, подготавливая почву для их политической радикализации. При этом период 1918-1921 гг. показал, что потенциал традиционной культуры не был израсходован. Ее формы актуализировались в период кардинальных общественных перемен и возникшей для людей необходимости приспособиться к новым условиям жизни.

8. Модернизационные процессы начала XX века не привели к разрушению социально-культурного «анклава», каким оставался Европейский Север России. Локальность северной провинции была нарушена агентами внешнего культурного влияния в лице демобилизованных солдат и социально активной молодежи, которые начали ломать традиции и устои населения.

Научная новизна диссертационного исследования состоит в

интерпретации региональной истории через коллективный опыт населения как носителя традиции, и через судьбу конкретного поколения, являвшегося в значительной степени носителем инновационного потенциала общественного развития.

Предложено авторское понимание ключевого термина диссертации *население*: самовоспроизводящаяся в процессе смены поколений совокупность жителей определенной территории, которая, будучи включенной в господствующие в обществе отношения, выступает носителем их локальных вариантов. Самобытность населения формируется внутри территориального контекста и обусловлена спецификой природно-климатических, демографических, исторических условий его существования, что обеспечивает накопление населением уникального социального опыта.

В научный оборот введен обширный фактический материал, извлеченный из ранее не опубликованных архивных документов. Осуществлен синтез разнохарактерных источников, благодаря чему удалось применить при исследовании многофакторный подход. Поскольку предметом диссертации является динамика массовых социальных процессов, то автор прибег к использованию и изучению источника, который соответствовал ему по своим качествам: массовости и наличию информации социокультурного характера. Воспоминания современников и участников социально-политических процессов первой четверти XX века позволяли использовать по отношению к ним количественные (как серийный источник) и качественные методы. Использование последних осуществлялось с учетом ментальности мемуаристов, сформированной в процессе получения традиционной для данного региона социализации.

В диссертации поставлен и решен ряд новых исследовательских проблем, а именно, влияние важнейших социальных процессов, происходивших в изучаемую эпоху (демографический переход, социальная и культурная модернизация, урбанизация), на формирование основного субъекта политических событий, ставших содержанием изучаемой эпохи. Впервые предпринято рассмотрение истории Европейского Севера России на протяжении первых десятилетий XX в. как поступательное движение общественного развития, на пути которого революции и иные политические события выступали как катализаторы социальных процессов. Применение таких пространственно-временных координат, как *население, поколение, человек*, позволило рассмотреть изучаемые процессы в разных масштабах.

Собран значительный фактический материал, позволяющий утверждать,

что в силу специфики исторического и социокультурного развития населения региона здесь отсутствовали социальные и экономические предпосылки для внутреннего раскола, который в значительной степени имел психологический характер и был спровоцирован ускоренной социально-культурной модернизацией и резкими изменениями общественной жизни под влиянием событий Первой мировой войны.

Впервые применен для решения заявленных задач метод просопографии. Составленная автором просопография основана на информации, включающей демографическую историю региона, специфику социальной и культурной жизни населения, конкретные проявления соотношений инновационных форм общественного развития и репрессивных механизмов традиционной среды, а также «жизненные истории» представителей поколения, чей активный возраст пришелся на 1914-1920-е гг.

Осуществлен культурно-исторический и историко-антропологический анализ событий, происходивших в изучаемый период на Европейском Севере России. Собран значительный материал, касающийся форм и способов реакции локальных сообществ на вызовы социальной, культурной, экономической, политической модернизаций. Осуществлен историко-сравнительный анализ социального опыта населения северных губерний, реализуемого в схожих обстоятельствах.

Предложена новая интерпретация социального поведения населения как обусловленной временем защитной реакции традиционной культуры на резкие изменения внешней среды и исходя из существования таких феноменов народной жизни, как *социальный контроль*, *коллективная солидарность*, *взаимная ответственность*. Одновременно обоснован вывод, что население региона было подготовлено к новым историческим и социальным реалиям.

Теоретическая значимость диссертации. Исследование вписано в парадигму поиска новых координат и масштабов изучения социальной жизни в условиях значительных общественных трансформаций и находится в русле современных изысканий по данной тематике. В диссертации решается научная проблема, имеющая важное социальное и культурное значение, чем она вносит немаловажный вклад в развитие отечественной исторической науки.

Сформулированные в диссертации положения и выводы дополняют и расширяют сферу научного знания в области истории населения российских регионов в переходный период и могут стать отправной точкой для дальнейшего изучения и осмысления региональной и исторической специфики.

Автор обобщил опыт социально-исторических и локально-исторических

исследований, дополнил их новыми данными, сформировав теоретические предпосылки для изучения региональной истории в ее ретроспективе, с учетом предшествующего социального опыта, который является основой формирования конкретного человека как субъекта социальных изменений и оказывает существенное влияние на специфику протекания социальных процессов.

Содержание диссертации раскрывает формы и способы реагирования построенных на традиционных ценностных основах групп населения на внешнее влияние, деформирующее их образ жизни и структуру, предоставляя тем самым сведения о самосознании этих групп в кризисных точках исторического развития.

Практическая значимость исследования. Научные положения диссертации и конкретно-исторический материал, содержащийся в исследовании, могут быть использованы при подготовке лекционных курсов по отечественной и региональной истории, исторической социологии, социальной и исторической демографии, культурологии, психологии, а также в научно-краеведческой и музейной работе.

Апробация результатов исследования. Основные исследовательские результаты были представлены научной общественности на 30 конференциях, из них 15 международных, в том числе: «Человек в контексте своего времени: опыт историко-психологического осмысления» (Международная ассоциация исторической психологии. Санкт-Петербург, декабрь 2006 г.); «Гражданская война в судьбах России и мира. 1917-1922 гг.» (Поморский государственный университет, Научный совет по истории социальных реформ, движений и революций. Архангельск, Мурманск. 2007-2012 гг.), «Власть, семья, этнос: гендерные роли в XXI веке» (Институт этнологии и антропологии РАН, Российская ассоциация исследователей женской истории. Москва, ноябрь 2010 г.); «Россия и Великая война. Опыт и перспективы осмысления роли Первой мировой войны в России и за рубежом» (фонд «Русский мир». Москва, декабрь 2010 г.)

По теме исследования автором подготовлено и опубликовано 46 научных работ общим объемом 82,9 п.л., из них 19 статей в журналах, включенных в список ВАК, и три монографии.

Структура диссертации. Диссертация состоит из введения, четырех глав, заключения, списка использованных источников и литературы, десяти приложений.

II. ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Во **«Введении»** обоснованы актуальность темы, цель и задачи исследования, его методологические основы, теоретическая и практическая значимость, очерчены территориальные и хронологические рамки, определена степень изученности проблемы, дана общая характеристика источников, сформулирована новизна исследовательских результатов, обоснована структура их изложения, построенного по проблемно-тематическому принципу.

В первой главе диссертации **«Теоретико-методологические, историографические и источниковедческие основы исследования»** представлены результаты методологической и историографической рефлексии автора, позволившие сформулировать авторскую гипотезу, которая в полной мере подтверждается выводами по диссертации, изложенными в заключении.

В главе дана характеристика социально-психологических, социально-философских, социологических теорий, применение которых в социально-исторических исследованиях обусловлено различным подходом к пониманию и изучению *социальности*, то есть способу организации отношений между людьми. Социальный, культурный и исторический контекст данного исследования описан диссертантом как структурированные по временным и территориальным параметрам общности людей – социально-территориальная (*население*) и историко-культурная (*поколение*).

Автор исходит из убеждения, что изучение коренных социальных трансформаций должно базироваться на анализе личной мотивации отдельных людей, формирующейся под влиянием культурных стереотипов и внешнего влияния. В связи с этим, диссертационное исследование выполнено в русле *новой социальной истории* с акцентом на ее *историко-антропологическую* составляющую. При этом следует отметить, что основоположники *новой социальной истории* исследовали именно революционные эпохи. Развитие социальной истории было вызвано стремлением адекватно отобразить и оценить связанные с процессами модернизации и урбанизации изменения, объяснить реакцию на них традиционных социумов. В процессе критики свойственной социальной истории описательности усилилась ее интерпретационная составляющая. Поиск причин травматического влияния на человека прогрессивных, казалось бы, изменений в рамках модернизации и урбанизации, проявившихся в негативных социально-психологических последствиях (социальные девиации, общественная аномия) и в существенных социально-политических событиях – массовых политических движениях, революциях, – привел к *антропологическому* и *культурному* «поворотам» в социально-исторических исследованиях. В рамках *историко-антропологического*

«поворота» происходит совмещение макро- и микроподходов, что позволяет увязать воедино динамику развития глобальных общественных структур и обыденные практики людей.

Под влиянием *культурного* «поворота» возник интерес к пространственным (локальным) вариантам глобальных исторических изменений. Совмещение указанных «поворотов» предпринимается в рамках *новой локальной истории*, ориентирующей исторические исследования на изучение локальных структур и практик в контексте общенациональных событий¹. Это предполагает изучение именно *населения*, жителей определенной территории, в общественной организации, культуре, менталитете которых отразилась как общая судьба народа, так и специфический коллективный опыт, накопленный в процессе приспособления к природно-климатическим и социальным условиям.

В процессе исторического развития происходит структурирование населения, включающее как внутренние характеристики (демографический состав, взаимоотношение внутри половозрастных групп власти и подчинения), так и внешние, отражающие процесс адаптации к существованию в больших образованиях. Например, государство предполагает наличие больших социальных групп (классов, страт), определенным образом упорядоченных и взаимодействующих между собой. Научный интерес к обществам, находящимся в состоянии социокультурного кризиса и дестратификации, сделал *население* объектом исследования историков, которые стали применять методы социологии и социальной антропологии для описания и изучения культурных форм и социальных практик людей в различных исторических обстоятельствах, процесса социализации человека и способов воспроизводства им усвоенных социальных и культурных норм².

Социальная динамика приобретает ускорение при переходе общества, основанного на традиционных принципах социального взаимодействия, к современному обществу, предполагающему расширенные связи и подчинение анонимному закону³, что создает условия для активности отдельных людей и групп. Такая активность имеет как вынужденный, так и целенаправленный

¹ О возможностях этого направления для «нового прочтения» Русской революции см.: Рейли Д. Дж. Некоторые мысли о кризисе в исторической науке и об изучении локальной истории // История России: Диалог российских и американских историков. Саратов, 1994.

² См.: Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб., 1998.

³ См.: Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии [1887] М., 2002; Дюркгейм Э. О разделении общественного труда [1893]. М., 1991; Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность: ошибки социализма. М., 1992.

характер и описывается как *социальная мобильность*⁴ и *маргинализация*⁵. В главе проанализирован потенциал теорий, дающих интерпретацию социального активизма (Л.Н. Гумилев, А. Тойнби, Х. Ортега-и-Гассет), а также концепции *архаизации* М. Левина и А.С. Ахиезера⁶. Существенным источником опыта по изучению масс в условиях процессов модернизации стали сравнительно-исторические исследования массовых протестов⁷.

Методологическую ценность для диссертации имела идея социального времени, его дискретности, социальности и историчности⁸. Рассмотренное под этим углом зрения население Европейского Севера России, жившее компактными изолированными группами, показало себя носителем специфических географических, культурных и временных характеристик, которые под влиянием процессов модернизации и урбанизации, а также целенаправленной политики государства привели к синхронизации временных ритмов. Результатом стало как эволюционное, так и революционное изменение всей общественной структуры, в которую население было выстроено.

Не менее плодотворной для диссертации была мысль Ф. Броделя об учете по-разному текущих «времен» для познания исторического процесса. Время «большой длительности» формирует статичные социальные и культурные формы; на фоне «конъюнктурного» времени происходит формирование общества как особо структурированного населения, а «событийное» время

⁴ Понятие *социальная мобильность* введено П.А. Сорокиным. Означает изменение индивидом социальной позиции в связи с переходом в новую возрастную или социальную группу. Осложнение или недоступность такой мобильности ведет к нарастанию социального напряжения.

⁵ *Маргинальность* (пограничное состояние) является многозначным понятием. Диссертант использует его в широком смысле, как состояние человека или группы, находящихся в культурно или социально пограничном состоянии.

⁶ *Архаизация* означает следование культурным программам, сложившимся в ранних пластах культуры и не отвечающим характеру и масштабам новых опасностей. См.: *Левин М. Историческое познание и российский кризис // Куда идет Россия? М., 2001; Ахиезер А.С. Архаизация как категория общественных наук: на опыте России // Журнал социологии и социал. антропологии. 2001. Т. 4. № 1.*

⁷ См.: *Эйзенштадт Ш. Конструктивные элементы великих революций: Культура, социальная структура, история и человеческая деятельность // THESIS. 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 208.*

Подтверждением этому служат примеры реакции населения не только «крестьянской» России, но и стран «третьего мира» на вызовы модернизации и на агрессивное влияние со стороны чужой, более сильной культуры. См.: *Скотт Дж. Оружие слабых: обыденные формы сопротивления крестьян [1985] // Крестьяноведение: ежегодник. 1996. М., 1996; Лурье С.В. Историческая этнология. Гл. IV: Смута как функциональное проявление традиционного сознания. М., 1997.*

⁸ Об этом: *Сорокин П.А., Мертон Р.К. Социальное время: опыт методологического и функционального анализа [1937] // Социол. исследования. 2004. № 6. С. 112-119.*

имеет особое значение в динамичные эпохи, наполненные кардинальными политическими изменениями. Данный подход предполагает исследование исторической реальности в разных масштабах: 1) глобальный (общенациональный) контекст, 2) мезо-уровень (региональный, местный) и 3) микро-уровень (изучение на уровне малой группы, отдельного человека).

Совмещение изучения отдельного человека и поколения, микро- и макроподходов, пространственного и временного измерения осуществляется в диссертации в рамках *просопографического* подхода, состоящего в выстраивании серии биографических описаний и формировании на их основе представления о типовых и специфических версиях жизненных процессов. Данная процедура предполагает исследование массовых источников личного происхождения с применением аналитических и количественных методов, что способствует синтезу объективистских подходов (признания объективности и закономерности через изучение массовых исторических явлений) и индивидуализированных, допускающих случайное и уникальное как важный фактор исторического процесса. Извлечение информации, имеющей исторический и социально-культурный смысл, из источников личного происхождения позволяет выявить имевшие поворотное значение для человека жизненные события, понять его собственное восприятие мира.

Историографический анализ осуществлялся диссертантом по двум основным направлениям: 1) процесс изучения социальных изменений в историческом ключе и 2) локально-исторические исследования широкого профиля.

Стремление осмыслить социальную составляющую военно-революционной эпохи 1910-х гг. появилось уже у современников событий. Основная социальная проблематика и ее базовые интерпретационные модели⁹, оставались актуальными в российской эмигрантской науке, развивались в западной русистике и советологии, с конца 1980-х гг. получили дальнейшее осмысление в отечественной науке.

Особым периодом стали 1920-е гг., когда исследование социальной проблематики осуществлялось в широком диапазоне – от экономической истории до этнографии и краеведения. Субъективная составляющая исторического процесса, прежде всего революционных событий,

⁹ См.: *Сорокин П.А.* Современное состояние России. Прага, 1922; *Сталинский Е.* Пути Революции. Прага, 1925; *Федотов Г.П.* Судьба и грехи России: избр. ст.: в 2-х т. СПб., 1991; др.

рассматривалась в рамках историко-психологических исследований¹⁰. С появлением в конце 1930-х гг. ортодоксального взгляда на исторический процесс, изложенного в «Кратком курсе ВКП(б)», утвердилась новая научная парадигма. Произошла тематическая переориентация исторической науки. Краеведческие исследования со свойственным им акцентом на региональную специфику были свернуты.

В 1930 – 1980-е гг. данная проблематика эволюционировала от крайней идеологизации к тщательному исследованию фактов и широким обобщениям в рамках изучения социально-политической¹¹ и социально-экономической¹² истории, осуществлявшихся в русле макроисторического направления. Исследования, выполненные на микроуровне, оставались единичными примерами¹³.

С конца 1980-х гг. в отечественной исторической науке начался плодотворный период в связи с расширением доступа к архивам и благодаря возможности обмениваться научными идеями, знакомиться с исследовательскими методами зарубежных коллег. Возрождению интереса к социальной проблематике способствовали исследования Б.Н. Миронова¹⁴. Социокультурное направление в изучении российского исторического процесса

¹⁰ Залкинд А.Б. О язвах ВКПб: схематическая, частичная попытка социально-биологического анализа отрицательных сторон партии [1924] // *Вопр. философии*. 1991. № 7. С. 109-114; Золотарев С.А. Четыре смены молодежи и (1905-1925): из наблюдений педагога. Л., 1925.

¹¹ Некоторые проблемы социально-политической истории, например, связанные с рабочим и крестьянским движением в дореволюционную эпоху, с деятельностью политических ссыльных, были максимально полно изучены на уровне выявления источников. На материалах северных губерний см.: *Участие вологжан в первой русской революции*. Вологда, 1955; *Чупров В.И.* Крестьянское движение на севере в годы первой русской буржуазно-демократической революции. Сыктывкар, 1982; др.

¹² Так, историками был собран большой фактический материал, выявлены количественные показатели, раскрывающие социальные вопросы урбанизации, изменения благосостояния народных масс. На материалах северных губерний см.: *Трофимов П.М.* Очерки экономического развития Европейского Севера России. М., 1961; 1968; *История северного крестьянства*. Т. 2. Архангельск, 1985; *Иванова К.С.* Борьба трудящихся Архангельской области за восстановление народного хозяйства (1920-1925). Архангельск, 1959; др.

¹³ К ним в первую очередь относятся этнографические работы. См.: *Историко-бытовые экспедиции. 1949-1950*. Материалы к вопросу расслоения крестьянства и формирования пролетариата в России к. XIX – нач. XX в. М., 1953; *Бернштам Т.А.* Поморы: формирование групп и система хозяйства. Л., 1978; др.

¹⁴ *Миронов Б.Н.* Социальная история России периода Империи (XIX – нач. XX вв.). Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства. СПб., 1999.

развивается в значительной степени под влиянием работ В.П. Булдакова¹⁵. Изучение социальных явлений начинает осуществляться через «человеческое измерение», в частности, путем количественного анализа массовых и личных документов, форм социального протеста¹⁶.

Появились исследования, отслеживающие динамику социально-демографических показателей региональных групп населения в условиях модернизации¹⁷. Изучение демографических процессов на материалах северных губерний представлено классическими исследованиями, построенными на количественных методах¹⁸. Новаторским подходом к использованию демографических источников, позволяющим выйти на важные обобщения социально-исторического характера, отличаются работы В.И. Коротаева и П.В. Федорова¹⁹.

В рамках историко-демографического направления сложились специфические подходы к изучению молодежи, которая в советской историографии исследовалась в основном в контексте героических периодов истории страны²⁰. Судьба рядовых участников Гражданской войны после окончания «героической эпохи» и стратегии приспособления к мирной жизни поколения, повзрослевшего в годы «долгой войны», стала темой монографии О.М. Морозовой²¹. Вместе с тем, процесс формирования поколения, активно включившегося в переустройство общества и в борьбу за его защиту, остается

¹⁵ Булдаков В.П. Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М., 1997; др.

¹⁶ На материалах северных губерний: Чупров В.И. Приговоры и наказания северного крестьянства в I Государственную думу. Сыктывкар, 1991; Яров С.В. Крестьянин как политик. Крестьянство северо-запада России в 1918-1919 гг.: политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999; др.

¹⁷ См.: Социально-демографическая история России XIX-XX вв. Современные методы исследования. Тамбов, 1999; Дьячков В.Л. Природно-демографические циклы как факторы российской истории, XIX - первая половина XX в. // Социальная история российской провинции в контексте модернизации аграрного общества в XVIII-XIX вв. Тамбов, 2002.

¹⁸ Жеребцов И.Л. Демографические процессы в Коми крае в конце XV – нач. XX вв.: автореферат дисс. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 1998; Пинаевский Д.И. Народонаселение Европейского Севера России во второй половине XIX - нач. XX вв.: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Сыктывкар, 1999; Смирнова С.С. Демографические процессы в Олонецкой губернии в XIX – начале XX вв. Опыт компьютерного анализа метрических книг: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб, 2002.

¹⁹ Коротаев В.И. Русский Север в конце XIX - первой трети XX вв. Проблемы модернизации и социальной экологии. Архангельск, 1998; Малащенко А.А., Федоров П.В. Коляне (XIX – первая треть XX вв.): историко-генеалогический атлас. Мурманск, 2010.

²⁰ Так, А.С. Рожков изучил повседневность рабоче-крестьянской, красноармейской, учащейся молодежи в 1920-е годы. См.: Рожков А.Ю. В кругу сверстников: жизненный мир молодого человека в Советской России 1920-х годов. Краснодар, 2002.

²¹ Морозова О.М. Два акта драмы: Боевое прошлое и послевоенная повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов/н/Д, 2010.

вне внимания историков.

Столкновение модернизаторства и традиционного сознания на региональном материале рассматривается как взаимоотношения населения с властью, как процессы социальной и культурной маргинализации, как конфликт поколений²². Исследование самосохранительных форм народной традиции в ключе «истории повседневности» часто сводится к идеализации традиционного образа жизни, подвергавшегося деформации со стороны внешних сил²³.

При этом недостаточно изученной остается проблема социальных и культурных «отщепенцев» – людей, оторвавшихся от традиционной культуры, но не успевших включиться в новую культуру и вынужденных под влиянием голода и репрессий военно-революционной эпохи вернуться к прежней жизни, прежним занятиям. Изучается роль солдатских масс в дезорганизации послереволюционного российского общества²⁴, но постсоветская историография практически не вернулась к новому прочтению таких проблем как солдатские комитеты и земляческие организации в армии.

Изучение процесса архаизации социальной жизни под влиянием политических событий современными историками осуществляется и с акцентом на внутренний конфликт, вызванный «модернизационным вызовом». Поиск объективных причин бурного развития политических и социальных событий в России стимулировал изучение уровня жизни населения в предреволюционную эпоху. Региональные исследования в этом направлении позволяют выявить нарастание в процессе модернизации неравномерности в динамике различных сегментов общества, в том числе территориальных²⁵.

Историко-психологические и историко-антропологические исследования отечественных историков традиционно касаются важнейших политических

²² Чураков Д.О. Революция, государство, рабочий протест: формы, динамика и природа массовых выступлений рабочих в Советской России. 1917-1918 годы. М., 2004; Коробков Ю.Д. Социокультурный облик рабочих горнозаводского Урала (Вт. пол. XIX – нач. XX вв.). Челябинск, 2003; Постников С.П., Фельдман М.А. Социокультурный облик промышленных рабочих Урала (1900 —1941 гг.). Екатеринбург, 2006; Люкшин Д.И. Вторая русская смута: крестьянское измерение. М., 2006; Андреев В.М. Российское крестьянство: навстречу судьбе. 1917-1921. Коломна, 1999; др.

²³ Безгин В.Б. Крестьянская повседневность (Традиции к. XIX – нач. XX в.) Тамбов, 2004; Бердинских В.А. Крестьянская цивилизация в России. М., 2001; Лебедева Л.В. Повседневная жизнь пензенской деревни в 1920-е гг.: традиции и перемены. М., 2009.

²⁴ Человек и война: сб. статей. М., 2001; Поршинева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны. Екатеринбург, 2000.

²⁵ См.: Региональное развитие в контексте модернизации / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, М.Н. Денисевич, И.В. Побережников. Екатеринбург, 1997. На материалах северных губерний см.: Логинов К.К. Традиционный жизненный цикл русских Водлозерья: обряды, обычаи и конфликты. М.; Петрозаводск, 2010.

событий первых десятилетий XX в.²⁶ Объяснение поведения целого класса в условиях военно-революционной эпохи сквозь призму предыдущего социального опыта предпринято авторами коллективной монографии «Русское крестьянство: этапы духовного освобождения»²⁷ и в работах О.А. Суховой²⁸. Особый интерес представляет осуществленный Суховой анализ конкретных форм социального поведения крестьян, показывающий, под влиянием каких обстоятельств и в каких формах происходила реанимация архаичных способов социального взаимодействия.

Историками, работающими на материалах северных губерний, продолжается осмысление региональной специфики в контексте российской истории²⁹. Изучается генезис, деятельность, специфика повседневной жизни городских сословий и торгово-промышленных групп населения³⁰, чиновничества и интеллигенции³¹, дворянства³². В диссертационном исследовании В.А. Саблина прослежена непростая траектория развития

²⁶ См.: *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М., 2001; *Яров С. В.* Пролетарий как политик. Политическая психология рабочих Петрограда в 1917-1923 гг. СПб., 1999; *Бокарев Ю.П.* Бунт и смирение. Крестьянский менталитет и его роль в крестьянском движении // Менталитет и аграрное развитие России. М., 1996; *Ибрагимова Д.Х.* Нэп и перестройка. Массовое сознание сельского населения в условиях перехода к рынку. М., 1997; др.

²⁷ *Кабытов П.С., Козлов В.А., Литвак Б.Г.* Русское крестьянство: Этапы духовного освобождения. М., 1988.

²⁸ *Сухова О.А.* Десять мифов крестьянского сознания: очерки истории социальной психологии и менталитета русского крестьянства (к. XIX – нач. XX в.) М., 2008; др.

²⁹ *Шубин С.И.* Северный край в истории России: проблемы региональной и национальной политики в 1920-е - 30-е годы. Архангельск, 2000; *Федоров П.В.* Историческое регионоведение в поисках другой истории России (на материалах Кольского полуострова). Мурманск, 2004; *Его же.* Северный вектор в российской истории. Центр и Кольское Заполярье в XVI-XX вв. Мурманск, 2009.

³⁰ *Соловьева Е.В.* Купечество Севера по переписи 1897 г. // Проблемы исторической географии и исторической демографии Европейского Севера России. Сыктывкар, 1992; *Овсянкин Е.И.* Архангельск купеческий. Архангельск, 2000; *Козина Г.Н.* Вологодские купцы – фабриканты и заводчики // Вологда: альманах. Вологда, 1997. Вып. 2. С. 85-134; *Кораблев Н.А.* Предпринимательство в Карелии во второй половине XIX – начале XX века. Петрозаводск., 2011; др.

³¹ *Попов Г.П.* Губернаторы русского Севера. Архангельск, 2001; *Гуркина Н.К.* Интеллигенция Европейского Севера России в конце XIX – начале XX веков. СПб., 1998; *Илюха О.П.* Сельский учитель в Олонецкой губернии: труд и социальный облик // Из истории русской интеллигенции: сб. материалов и статей. СПб., 2003. С. 426-443; *Силин А.В.* «Интеллигентный пролетарий»: учитель в Российской революции и Гражданской войне (на материалах Европейского Севера). Архангельск, 2009; *Соколова Ф.Х.* Интеллигенция Европейского Севера России в 1917-1941 гг. Архангельск, ПГУ, 2003.

³² *Савицкий И.В.* Дворянство Европейского Севера России в середине XIX – начале XX вв.: по материалам Олонецкой, Вологодской и Архангельской губернии: дисс канд. ист. наук. Петрозаводск, 1998.

северного крестьянства на протяжении первых трех десятилетий XX века. Микроанализ произведен на уровне хозяйственной и социальной «единицы» – крестьянского двора³³. Проведенный демографический и социально-экономический анализ выводит автора на объяснения политической активности северного крестьянства в военно-революционную эпоху³⁴.

В целом, для современных социально-исторических исследований характерно расширение границ предметного поля, что оказалось возможным благодаря введению новых источников, применению новых исследовательских методов, а также в результате смещения акцентов при изучении традиционных для исторической науки тем. При этом историографический анализ показывает определенное возвращение к исследовательским ориентирам и предпочтениям, оформившимся в 1920-е гг. и получившим развитие в западной «русистике».

Зарубежная историческая наука, занимающаяся проблемами российской и советской истории, традиционно концентрирует внимание на социальной обусловленности Русской революции. Для диссертанта представляют интерес работы западных историков, в которых присутствует попытка увидеть за политическими событиями социальную динамику³⁵. В частности, привлекает внимание объединяющее западных историков, к какому бы направлению («тоталитарному» или ревизионистским) они не относились, признание относительной однородности основных групп населения России, их близости к крестьянству, из которого вырастали все остальные сословия, даже само государство³⁶. В условиях модернизации раскол в таком относительно однородном обществе происходил, по мнению ряда зарубежных исследователей, не по идеологическим или социальным причинам, а в связи с

³³ *Саблин В.А.* Крестьянский двор на Европейском Севере России в 1917-1920-е годы: дисс. ...д-ра ист. наук. Вологда, 2006.

³⁴ *Саблин В.А.* Аграрная революция на Европейском Севере России, 1917-1921 гг.: Социальные и экономические результаты. Вологда: Легия, 2002; *Его же.* Северная деревня в Гражданской войне: векторы политического поведения // *Воинский подвиг защитников Отечества: материалы межрегион. науч.-практ. конф.* Вологда, 2000. Ч. 2. С. 312-325.

³⁵ Обзор данной проблематики представлен в статье: *Розенберг У.Г.* История России конца XIX - начала XX вв. в зеркале американской историографии // *Россия XIX - XX вв.: Взгляд зарубежных историков.* М., 1996.

³⁶ *Шанин Т.* Революция как момент истины. Россия 1905-1907 гг., 1917-1922 гг. М., 1997; *Левин М.* Режимы и исторические процессы в России XX в. // *Куда идет Россия?* М., 1996; *Freeze G.L.* "The Soslovie" (Estate) Paradigm and Russian Social History // *American Historical Review.* 1986. № 91. P. 11-36; *Вуртшафтер Э.К.* Социальные структуры: разночинцы в Российской империи (1994). М., 2002.

осознанием людьми культурного неравенства³⁷.

Смещение интереса в западной русистике с политической истории к социально-историческим вопросам характеризуется изучением частных социальных феноменов, для чего используются и нетрадиционные источники³⁸. Привлекательный с методической стороны, такой подход вызывает сомнения своими выводами. По мнению диссертанта, свойственные западным историкам когнитивные стереотипы подсказывают им объяснительные модели, которые российскому исследователю не кажутся достоверными.

Характерная для зарубежной русистики интерпретирующая составляющая исследований не в последнюю очередь явилась результатом недостаточности источниковой базы. Получив доступ к советским (российским) архивам, западные историки стали разрабатывать тему локальных особенностей общегосударственных событий³⁹.

Анализ историографической ситуации показывает продолжающийся научный и общественный интерес к переломной эпохе русской истории, которая пришлась на первую четверть XX в. Вместе с тем, остается ряд проблем, которые требуют пристального научного внимания. Недостаточно исследован социокультурный ракурс региональной истории, остающийся на уровне этнографического изучения. Невелик опыт синтеза социально-исторических и историко-антропологических исследований, позволяющих включить жизненный опыт и повседневные практики людей в глобальный исторический контекст. Требуют дополнительного изучения региональные аспекты феномена реанимации самосохранительных практик в экстремальных политических и социокультурных обстоятельствах.

Характеризуя репрезентативные возможности **источниковой базы**, диссертант опирается на идею «анналистов» о необходимости искать скрытую, имплицитную информацию в очевидных источниках. Для проводимого исследования особую важность имеет извлечение информации, фиксация которой не являлась задачей составителей документов. Именно она необходима

³⁷ *Neuberger D.* Hooliganism. Crime, culture and power in St. Petersburg, 1900-1914. University of California Press, 1993; *Engel B. A.* Not by Bread Alone: Subsistence Riots in Russia during World War I // *Journal of Modern History.* 1970, December. P. 696-721.

³⁸ Например: *Frank S.P.* Popular Justice, Community and Culture among the Russian Peasantry, 1870-1900. // *Russian Review.* 1987. № 46. P. 239-265; *Ruane C.* Clothes shopping in Imperial Russia: the development of a consumer culture // *Journal of Social History.* 1995. Vol. 28. № 4. P. 765-782.

³⁹ Например: *Рейли Д. Дж.* Политические судьбы российской губернии: 1917 год в Саратове. Саратов, 1995; *Бэдкок С.* Переписывая историю российской революции: 1917 год в провинции // *Отечественная история.* 2007. № 4. С. 103-112; *Figes O.* Peasant Russia, Civil War: the Volga countryside in revolution, 1917-1921. London, 2001.

для реконструкции и осознания социальных процессов, их динамики и направленности.

Определяя основные принципы работы с источниками, диссертант исходит из того, что в изучаемый период, особенно в наиболее острые его моменты возникала ситуация, схожая с конфликтом культур. В результате событие могло получить разное отражение в источниках, в зависимости от их происхождения или целей составления. Во избежание опасности односторонней интерпретации изучаемых событий и процессов, привлекались источники, отличающиеся видовым многообразием. Для получения адекватной исследовательским задачам информации применялась разработанная К. Гирцем процедура «плотного описания», понимаемая автором как максимальный учет при изучении факта социальной реальности всех возможных контекстов, а также феноменологический метод, предполагающий самостоятельное исследование социального или культурного феномена через его анализ в диахронном измерении.

Учитывая хронологические рамки исследования, диссертантом изучались документы, созданные в условиях существования нескольких форм власти. Фондообразователями досоветской эпохи являлись органы государственной и местной власти поздней имперской эпохи и Временного правительства. К послереволюционному периоду относились фонды органов советской власти, различных временных органов власти периода Гражданской войны, включая белогвардейские правительства и революционные комитеты, а также органы управления, созданные на охваченных повстанческими движениями территориях. Кроме самостоятельного значения, эти документы представляют интерес для проведения сравнительного анализа с целью выяснения отношения населения к власти и определения уровня инерционности общества.

Количественный анализ и сравнительный метод извлеченных из статистических источников сведений позволили выявить динамику демографических показателей и благосостояния населения, выяснить степень развития процессов урбанизации, географической мобильности, народного образования. Полученные результаты дали возможность дополнительной проверки научных предположений, сформулированных диссертантом при изучении других видов источников.

Периодические издания и другая печатная продукция, специально издаваемой для населения (буклеты, различные объявления, прокламации, предвыборные листовки), для целей диссертации имела ценность не только как база данных, но и как совокупность информационных потоков. Изучение

выходивших в революционный период массовых изданий позволило выяснить формы манипуляции общественным сознанием и определить степень напряженности в обществе.

Изучение социальных процессов и личностной мотивации людей как основных субъектов социальных и социокультурных изменений потребовало использования источников, содержащих информацию, которую сложно выявить традиционными методами, но необходимую для продуктивного решения поставленных исследовательских задач. Таковыми явились личные воспоминания и другой биографический материал. Представленный в диссертации экскурс в историю комплектования в 1920 – 1930-е гг. региональными «Комиссиями по изучению истории ВКП(б)» коллекций воспоминаний позволил обосновать степень репрезентативности данного источника. Так, воспоминания было принято обсуждать с другими участниками описанного события, чтобы выверить точность информации.

Исходя из задач исследования, диссертантом широко использовались и «нестрогие» с точки зрения исторической науки источники: бытовые очерки, описания народной жизни, свидетельства «устной истории», собранные и записанные историко-бытовыми экспедициями. Содержащиеся в них сведения сложно подвергнуть строгому анализу. Они оказали влияние на представление диссертанта об изучаемой эпохе, подвигнув к поиску других источников и их анализу с целью подтвердить или опровергнуть сформулированные таким образом исследовательские гипотезы.

Историографическое осмысления избранной для изучения проблематики показали автору, что проблема социального развития населения северных губерний в переломный исторический период, который пришелся на первые десятилетия XX в., требует комплексного исследования. При этом источниковедческий анализ убеждает, что изучение данной темы обеспечено разнообразными источниками. Это дает возможность автору в полном объеме решить поставленные исследовательские задачи и внести свой вклад в изучение социально-исторического и историко-антропологического аспектов истории Европейского Севера России в переломную эпоху.

Вторая глава **«Население Европейского Севера в условиях социальных трансформаций первой четверти XX века»** посвящена складыванию разнообразных страт, которые еще на рубеже XIX-XX вв. практически отсутствовали у населения региона.

Данные статистики и полученные из других источников сведения показывают, что в начале XX в. население региона представляло собой

достаточно однородную массу, разделяющую схожие культурные и социальные ценности, объединенную общими проблемами и жизненными стратегиями. Аргументом для такого заключения служат не только данные статистики, показывающие, что по социальному статусу крестьянами было около 93% населения северных губерний, а сельским хозяйством как основным видом деятельности занимались 85% (в Европейской части России, соответственно, 86% и 75%).

Важным является то, что источники практически не фиксируют резкого расслоения деревенских обществ и конфликтов между отдельными группами населения. Наличие конфликтов (семейных, поколенческих, соседских) отражало нормальный процесс социального развития. Они обычно снимались предоставляемыми местными условиями и общим развитием государства возможностями, например, в форме социальной и географической мобильности.

Внутренние конфликты не актуализировались в связи с отсутствием существенной экономической конкуренции как для торгово-промышленной деятельности, так и для наемного труда. Традиция отхожих заработков и относительная свобода передвижения способствовали оттоку части активного населения для занятий сезонными промыслами, фабрично-заводской и торгово-промышленной деятельностью. Внешние конфликты существовали в форме недовольства отдельных групп сельского населения, не урегулировавших свои земельные отношения с бывшими «владельцами». Это недовольство сдерживалось надеждами крестьян на безвозмездную передачу им от казны и удельного ведомства земли, а также существующей практикой расчистки под уголья лесных участков.

Другие социальные группы (фабрично-заводские рабочие, мещане уездных городов) были выделены из массы населения северных губерний соответствующей политикой государства в XVIII – первой половине XIX вв. и не обладали необходимыми предпосылками к формированию собственной, отличной от крестьянской, культуры.

На основной территории северных губерний дворянского землевладения не было. В тех уездах, где имелись помещичьи земли, в начале XX в. происходило их резкое сокращение путем продажи или передачи в аренду крестьянам и промышленникам, что влекло за собой и «отток» дворянской молодежи из региона. В результате, в начале XX в. часть местной интеллигенции, чиновничества, духовенства были выходцами из крестьянской среды. Крестьянство и выделившиеся из него группы представляли собой достаточно однородную массу, объединенную общими ценностями и представлениями, а

также родственными и земляческими связями. Такая устойчивость поддерживалась природно-климатическими условиями, предполагавшими относительно изолированное проживание отдельных групп населения, что создавало общие условия жизни и способствовало поддержанию социальных связей.

Учитывая, что основным содержанием изучаемого периода были политические события, связанные с идеологическими движениями и революциями, особое внимание в исследовании уделено рассмотрению процесса выделения из общей массы населения *активного меньшинства* и увеличения его доли до значения, которое было необходимо для резкого изменения вектора общественного развития. В северных губерниях этот процесс испытывал внешнее влияние, которое оказывали представители иных сословий, других социальных и культурных групп, внедрявшихся в среду местного населения в результате политики государства. Имеется в виду расселение в отдаленных населенных пунктах региона ссыльных, в том числе политических, и результаты деятельности государства (в Олонецкой и Вологодской губерниях также земств) по организации школьного образования и народного здравоохранения, что постепенно привело к появлению здесь тонкой прослойки интеллигенции.

В диссертации рассмотрены формы влияния политических ссыльных и местной интеллигенции на процесс распада традиционных социальных связей населения северных губерний, а именно, методы передачи радикальных идей.

Чтобы выяснить процесс выделения активного меньшинства из сплоченного в культурном и социальном отношении населения, диссертантом были проанализированы «жизненные истории» 265 северян, в основном 1890-х гг. рождения (0,43% соответствующей половозрастной группы населения северных губерний на 1920 год), в той или иной мере активно участвовавших в событиях 1910-х – начала 1920-х гг. Общими для этого поколения были приемы семейного и общественного воспитания, жизненные перспективы, складывавшиеся под влиянием модернизационных процессов, участие в Первой мировой войне.

По позиции, которую люди заняли в жизненных обстоятельствах, поставивших их перед необходимостью и возможностью личного выбора, исследованные «жизненные истории» были разделены на три группы. В первую группу включены активные участники установления советской власти. Во вторую – люди, также принимавшие участие в событиях, в частности, в повстанческом движении, что, однако не было результатом их личного выбора. Они действовали под давлением традиционных авторитетов (общины,

родителей). Третья группа условно названа «конформистами»: к ней отнесены те, кто относительно легко приспособился к новым условиям жизни. Учитывая доступный биографический материал, в третью группу оказались включены советские работники 1920-х гг., лояльно относившиеся к новой власти и добросовестно выполнявшие свои обязанности. По мнению диссертанта, наличие этой группы стало важным свидетельством возвращения общества к устойчивому состоянию.

Извлеченная из биографического материала и соответствующим образом интерпретированная информация касалась состава семьи, при этом акцентировалось внимание на раннем сиротстве как факторе нарушения традиционной социализации. Выяснялось наличие образования, присутствие фактов раннего соприкосновения с другими формами культуры (например, детский «отход», профессиональное ученичество, попытка, чаще всего неудачная, перехода в другой социальный слой). Выявлялись такие события биографии, как военная служба, участие в солдатских комитетах и в других формах политической деятельности после 1917 г.

При изучении биографического материала особое внимание уделялось факту состояния в браке, наличия собственной семьи. В начале XX в. ранняя брачность постепенно заменялась стремлением отложить сроки вступления в брак до завершения образования или окончания срока службы в армии. Отхожими (фабрично-заводскими) работами также занимались до женитьбы. Холостое состояние значительной части молодых мужчин еще более затянулось в связи с Первой мировой войной. Поскольку в народной традиции для холостой молодежи допускалась (и даже требовалась) специфическая активность, подобное состояние, по мнению диссертанта, является дополнительной характеристикой, поясняющей поведение людей в событиях 1917-1920 гг.

Системный просопографический анализ показал, что представители наиболее активной части революционного поколения являлись продуктом ускоренной трансформации всех сторон жизни. Воспитанные в рамках традиционной культуры, они оказались готовы на разрыв с ней под влиянием комплекса как внутренних, так и внешних обстоятельств, возникших в результате эволюционного и революционного общественного развития. Определенную роль играла и индивидуальная мотивация, поскольку процесс их личностного становления осуществлялся в условиях резкого изменения окружающей действительности, под влиянием политических событий первой четверти XX в., происходивших в центре страны и в крупных городах, но в той или иной мере отозвавшихся в самых отдаленных районах, подтачивая там

устой традиционности.

Таким образом, представленный в главе материал показывает приобретающую в начале XX в. интенсивные темпы эмансипацию отдельных групп населения Европейского Севера и сопровождавшие этот процесс социальные проблемы. Исследование условий, в которых проходило становление активных участников политических событий 1910-х гг., позволило автору выявить наиболее проблемные моменты социальной жизни населения северных губерний в первых десятилетиях XX в. Они подробно рассмотрены в третьей главе диссертации **«Динамика социальных процессов на Европейском Севере России в первой четверти XX века»**.

Характер и динамика социального развития населения определялись в этот период такими условиями исторической реальности, как демографические изменения, процессы урбанизации и социальной мобильности. Эти процессы происходили ускоренно, в результате их ритмичности возникли социокультурные диспропорции, создавшие определенные сложности на пути дальнейшего эволюционного развития.

Представленные в диссертации статистические сведения подтверждают, что в изучаемый период общество находилось на первом этапе демографического перехода, характеризуемого как «взрыв». Быстрый рост численности населения, сопровождавшийся деформацией половозрастной структуры, создавал ряд проблем, которые требовали адекватных решений. Необходима была продуктивная форма демографического воспроизводства, в частности, более активное перераспределение населения между отдельными территориями, городом и деревней, между экономическими группами. На этом основании автор делает вывод, что включение части населения в процессы урбанизации и социальной мобильности носило вынужденный характер, являясь ответом на рост излишнего населения. Это создавало психологическое напряжение внутри семей и общин, в среде сверстников, способствовало маргинализации части молодежи, формируя у нее иллюзорные социальные ожидания.

В диссертации показаны происходившие в ускоренном режиме процессы перераспределения населения по экономическим и социальным группам, по местам проживания. Многие люди сменили свой социальный статус в первом поколении, без необходимой адаптации к новым условиям. С одной стороны, они относительно легко могли вернуться в свое первоначальное состояние. С другой стороны, оторвавшись от безусловного подчинения традиционным ценностям, они являлись культурными и социальными маргиналами, и их возвращение в «исходное» состояние создавало дополнительное напряжение

для населения, что с особой силой проявилось в событиях 1918-1919 гг.

Система массовой социальной мобильности, сложившаяся в первых десятилетиях XX в., имела ряд негативных последствий. В диссертации внимание сфокусировано на формах, которые приобрели межпоколенные коммуникации. В частности, отражением процессов демографического перехода и ускоренной социальной мобильности стал *конфликт поколений*. Механизм этого конфликта, включенный объективными обстоятельствами протекания процессов социальной, культурной, экономической модернизации, способствовал ускорению общественной динамики. Одновременно в различных группах населения росло психологическое напряжение, что выразилось в резком и болезненном культурном разрыве поколений.

Для выяснения предпосылок этого конфликта автором рассмотрена существовавшая у населения система культурного обмена и традиционные взаимоотношения между поколениями. Отмечается, что процесс разрыва внутрисемейных связей и межпоколенных отношений в российском обществе происходил путем перемещения этого конфликта из высших страт в низшие. Крестьянская среда была достаточно устойчивой, в ней отсутствовали культурные и экономические предпосылки для семейных и внутриобщинных конфликтов. Общинное землевладение поддерживало экономическую заинтересованность человека жить в расширенной семье, а государственная политика и «обычное право» до последней трети XIX в. ограничивали право крестьян на семейные разделы. Специфика землепользования в северных губерниях, когда семья имела надел в виде отдельных участков, разбросанных на большой площади, делала затребованным труд всех членов семьи. К внедомашним занятиям привлекались все молодые и здоровые женщины. Неактивное население, в том числе старики, использовались для выполнения домашних и других женских работ. Межпоколенную конкуренцию снижала и низкая продолжительность жизни.

В народной жизни присутствовали проявления ценностных межпоколенных конфликтов, которые локализовались в рамках молодежной культуры. Это было связано с допуском в добрачном возрасте поведением. Ослабление контроля брачности, распространение общего и профессионального образования, введение всеобщей воинской повинности способствовали удлинению добрачного периода. Следовательно, росла численность молодых возрастов, которые в условиях демографического «взрыва» составляли значительную часть населения. Вкупе с последствиями влияния на молодежь агентов радикальных идеологий, эти обстоятельства создали предпосылки для

межпоколенного раскола в народной среде, «пик» которого пришелся на революционное и послереволюционное время, будучи поддержанным и углубленным соответствующей политикой новых властей.

В земледельческих районах Европейского Севера конфликт поколений выразился в пренебрежительном, в нарушение традиции, отношении к старикам. Это было вызвано не только экономическими проблемами (малоземельем, понижением уровня благосостояния в связи с увеличением численности непродводящего населения), но явилось результатом социальной и культурной модернизации, стало проявлением раздражения молодежи против авторитета навязываемой старшими традиции, в противовес привлекательным новшествам, которые предлагала городская культура.

Количественными показателями конфликта поколений выступали повышение удельного веса старших возрастов и семейные разделы. Дробление хозяйств было вызвано ростом населения и стремлением многолюдных семейств решать возникающие экономические и психологические проблемы путем семейно-имущественных разделов. Большая крестьянская семья имела возможность (или была вынуждена) отправлять часть своих работников на заработки. Расширение отхожих занятий в формах, в которых оно существовало в северных губерниях (когда юридическая практика и культурная традиция ограничивали возможности для резкого изменения социального и территориального статуса), снижало внутрисемейную конкуренцию, но при этом способствовало появлению имущественной дифференциации внутри семьи, вело к внутрисемейным имущественным спорам и разделам.

В 1914-1917 гг. в связи с мобилизацией мужчин-работников процесс деления хозяйств замедлился, но вновь активизировался после возвращения фронтовиков, многие из которых желали самостоятельности, а также в связи с массовым возвращением отходников. Разделы вели к сокращению в хозяйствах количества работников и скота. Решение этого вопроса стали видеть в переделах земли и других ресурсов, обостряя тем самым и внутриобщинные отношения.

Приведенный в диссертации анализ явлений, которые можно подвести под понятие «конфликт поколений», показывает, что этот процесс проходил ускоренно в начале XX в. Затем вызванная военными и политическими обстоятельствами миграция значительной части молодых людей привела к ослаблению проблемы малоземелья и к утилизации «лишних рук». После отмены политики «военного коммунизма» традиционная семейная и возрастная структура оказалась восстановленной и пребывала в относительно стабильном состоянии. Исчезли основания для конфликта поколений, вернулась

зависимость молодежи от семьи, от традиционных авторитетов. Советской власти в этих обстоятельствах приходилось прилагать усилия, чтобы оторвать подрастающее поколение и молодежь от традиционной культуры, привлекая к этому школу и внешкольные формы организации детского и молодежного досуга, средства массовой информации, другие социальные институты, в частности армию.

Определенным критерием социальных трансформаций в изучаемый период выступает благосостояние населения. В диссертации этот процесс рассматривается с учетом изменения его субъективного восприятия людьми.

Изолированность проживания значительной части населения северных губерний способствовала консервации традиционной культуры, одним из признаков которой была минимизация материальных потребностей. Расширение транспортной сети, облегчение географической мобильности сделали доступными многие материальные блага, способствуя тем самым росту объективных показателей и ведя к завышенным потребностям и социальным ожиданиям. У отходников формировалась модель демонстрации своих успехов, что вело к определенной конкуренции в их среде и к трате заработанных денег ради удовлетворения личных амбиций. Впоследствии это отразилось на поведении фронтовиков и вернувшихся из городов отходников. Будучи не в состоянии соответствовать принятой для возвращающихся с заработков модели, они стремились реабилитировать себя в глазах семьи другими способами, в частности, активными «переделами» чужой собственности.

На изменение представлений о стандартах жизни особое влияние оказали события Первой мировой войны, способствовавшие массовому перемещению населения по стране, сближению социальных слоев, разделенных до этого культурными барьерами. Произошло приобщение к иным образцам бытовой культуры молодых мужчин, уже подготовленных к их восприятию школьным образованием. В сложившихся социально-политических обстоятельствах сформированные в детстве социальные ожидания актуализировались. Среди причин стремления населения к «лучшей жизни» были и популистские обещания, которые в предреволюционную и революционную эпоху щедро раздавали агитаторы всех направлений.

В диссертации отмечается, что во время войны повысилось материальное благосостояние отдельных групп населения северных губерний. Это было связано с высокими заработками в оборонных отраслях хозяйства и на транспорте, с выплатой денежных пособий семьям военнослужащих, с расширением торговых операций. Усилилась имущественная дифференциация,

вызывавшая у населения негативные реакции, что вело к психологическому напряжению и раздражению против более успешных групп и отдельных людей.

Таким образом, в 1914-1916 гг. произошло существенное изменение благосостояния населения и его культурных потребностей. Тем болезненнее воспринималось понижение уровня жизни после 1917 г. В особой степени это коснулось «надстроечных» страт и горожан, не имевших возможности заниматься самообеспечением. В северных губерниях в тяжелом положении оказалась часть сельского населения, которая не занималась земледелием. Некогда зажиточные жители промысловых волостей в результате сокращения промыслов и прекращения отхожих занятий перешли в разряд малоимущих, и их легко удалось мобилизовать против крестьян-земледельцев. Те, в свою очередь, потеряли приобретенное в 1916-1917 гг. благополучие и были готовы бороться за утраченные позиции.

За короткий исторический период произошло повышение уровня благосостояния населения (при этом почти всех его групп) и еще более стремительное его падение. В результате, усилилось недоверие к властям, в деятельности которых население стало видеть причину своих бедствий. Под влиянием радикальных агитаторов, стремившихся перенаправить социальное напряжение в нужном им русле, сформировались предпосылки для создания образа «врага» в лице наиболее успешных членов социума. Последнее обстоятельство в северных губерниях получило дополнительный ресурс в виде ускорения в начале XX в. имущественной дифференциации.

В диссертации выясняются особенности этого процесса в среде населения Европейского Севера России. Выделение «деревенских богатеев» из относительно однородной крестьянской массы было связано с экономической спецификой региона, а именно, с необходимостью ведения товарного производства для закупки недостающего продовольствия. Повышение благосостояния населения выразилось в увеличении массы наличных денег и росте потребностей. В этих условиях торговцы обеспечивали поступление на местный рынок потребительских товаров и реализацию произведенной населением продукции, а подрядчики стали посредниками при продаже все более накапливавшегося в условиях малоземелья и роста населения излишка рабочей силы. Торговля и посредничество способствовали не только имущественному, но и социальному расслоению, поскольку эти виды деятельности были связаны с индивидуальной деятельностью, требующей особого опыта, навыков, знаний.

Имущественное расслоение было вызвано и необходимостью для

многодетных семей отправлять часть своих членов на заработки. Это создавало внутрисемейное психологическое напряжение, которое приобрело неожиданный вектор в условиях набравшей размах индустриализации. Принуждаемые покинуть дом младшие дети в новых обстоятельствах получили возможность повысить свой статус и благосостояние. Семья по традиции требовала от них материальной поддержки. Они же, испытывая детские обиды, начали дистанцироваться от своих деревенских родственников.

В начале XX в. замена традиционной артельной системы индивидуальным «отходом» создавала предпосылки для социальной и имущественной дифференциации среди отходников. У менее успешных возникало чувство зависти к благополучным землякам и сверстникам. Отхожие заработки способствовали усугублению неприязненных отношений и между соседними поселениями. Природно-климатические условия создавали различные возможности для ведения сельского хозяйства, поэтому необходимость отхожих занятий разделяла население не только по возрасту и по позициям в семье, но и по месту жительства. Население отдельных селений и целых волостей было вынуждено заниматься неземледельческими занятиями. В условиях промышленной модернизации бедственное положение такого населения сменилось относительным материальным благополучием.

Представленные в главе материалы показывают взаимосвязь и взаимозависимость происходивших в первых десятилетиях XX в. социальных процессов. Демографический «взрыв» стал предпосылкой для социальной и территориальной мобильности населения, создавшей в свою очередь условия для индустриализации, а также социальной и культурной модернизации. Результатом стали значительные изменения в материальном положении больших масс людей, что способствовало ускоренному процессу имущественного и социального расслоения населения.

Возникший социокультурный конфликт между разделяемыми большинством населения традиционными ценностями и новыми социальными реалиями актуализировался в революционное время под влиянием мощных социальных подвижек. В результате обрушилось основанное на фабрично-заводских заработках или на индивидуальном предпринимательстве благосостояние. Радикальные силы, нуждавшиеся в «материале» для нагнетания социальной напряженности, воспользовались возникшей в условиях ускоренной имущественной и социальной дифференциации неприязнью для раскола построенного на традиционных основах общества.

В четвертой главе **«Изменение вектора социального развития как**

реакция населения на кризисные явления. 1905 – 1921 годы» рассмотрено взаимовлияние коллективного опыта, зафиксированного в относительно статичных структурах, и коллективной практики, проявившейся в формах массовой реакции носителей традиционного начала на негативные последствия социальной, экономической, культурной модернизации, а затем и на политические действия властей.

Отмечается, что ослабление государственного давления и предоставление населению большей самостоятельности способствует резкой внутренней дифференциации населения. В свою очередь, реакцией на ужесточение такого давления становится укрепление общинных отношений⁴⁰, примером чего явились действия населения на политику «военного коммунизма». В северных губерниях формы подобных реакций населения, внешне схожие с зафиксированными в других регионах, обладали специфическими признаками.

С целью найти объяснение этой специфики, в главе рассматривается история заселения региона. Отмечается, что природно-климатические условия не способствовали формированию здесь тесных связей между отдельными населенными пунктами, включенными для удобства административного управления в территориальные единицы (волости, церковные приходы, сельские общества), внутри которых нередко существовало напряжение, иногда неприязненные отношения между жителями соседних поселений. Причину этого диссертант видит в отсутствии экономических или иных потребностей в межобщинных связях, а также в сохранных коллективной памятью давних конфликтах, связанных с особенностями заселения территории и формирования здесь населения.

В революционную эпоху отражением межобщинных конфликтов выступал процесс изменения границ губерний, уездов, волостей. Такие разделы инициировались определенными политическими силами, а население поддерживало их в обмен на административную самостоятельность своих

⁴⁰ *Общиной* принято обозначать соседские и родственные отношения, построенные на чувстве солидарности и бескорыстных отношениях внутри группы. В российской реальности понятие *община* многозначно, в частности, оно означает юридически закрепленные поземельные отношения. Поскольку в изучаемый период происходила реанимация общинных отношений на различных уровнях социальной жизни, в том числе у жителей малолюдных северных городов, диссертант использует понятие *локальный социум*, обозначая им группу людей, имеющую схожие экономические и социальные характеристики и обладающую культурной общностью. Данное понятие учитывает также положение такой группы в масштабах региона, предполагающее относительно уединенное (в связи с бездорожьем и удаленностью от других населенных пунктов) существование, что способствовало консервации архаичных социальных отношений.

территорий. Результатом беспорядочных переделов стала самоизоляция отдельных поселений и реанимация сохранившихся на уровне коллективной памяти «страхов» перед *чужими*. Это проявилось в партизанском движении, которое выросло из отрядов самообороны и придало происходившим в охваченных Гражданской войной районах боевым действиям особый накал, а также в абсолютизации населением в условиях ослабления государственной власти своих локальных интересов и в стремлении к их защите. В частности, вновь актуализировалась потребность во внутриобщинной солидарности, которая в предыдущее десятилетие под влиянием процессов имущественной и социальной дифференциации стала ослабевать.

В диссертации отмечается, что природно-климатические условия региона ослабили необходимость и осложнили возможность для населения территориального разделения труда и экономического обмена. Включение этих территорий в государственную систему, а жителей – в расширенное общество⁴¹ происходило в результате действий власти, которая оказывала влияние на население через духовенство, чиновников, интеллигенцию. Созданные таким образом социальные связи были менее прочными, чем экономическая взаимозависимость территорий. Однако усилия государства и общее развитие страны привели к тому, что в начале XX в. Усиливалась и экономическая детерминация социальной жизни населения северных губерний. Одновременно создавались условия для эрозии внутриобщинной солидарности. Описание этого сложного процесса предпринято автором с помощью бинарных оппозиций: *свои – чужие, город – село, дом – чужбина*.

В изучаемый период происходил отрыв части носителей традиционной культуры и в значительной степени насильственное приспособление их к иным социальным отношениям. Однако те из них, кто подвергался – в школе, в городе, в армии – процессу включения в новые социальные связи, прибывая (на время или постоянно) на родину, «переподчинялись» действовавшим там правилам и нормам. Своеобразной формой воспроизводства традиционной солидарности в условиях «встраивания» локальных социумов в расширенное общество были земляческие отношения, присутствовавшие у молодых солдат и фабрично-заводских рабочих.

Раскол в некогда солидарных обществах четко обозначился и углубился во время Первой мировой войны. Произошло разделение молодых мужчин на

⁴¹ Понятие *расширенное общество* (*расширенный порядок человеческого сотрудничества*) введено в научный оборот классиком неоллиберализма Ф. Хайеком и означает условия, предполагающие одновременную принадлежность человека к нескольким социальным группам, замену групповой солидарности обезличенным законом.

фронтовиков и тех, кто воспользовался льготой и оказался во всех отношениях в лучшем положении: остался в тылу и получил доступ к высокооплачиваемым видам деятельности. Усугублялось напряжение тем, что оставшиеся в тылу мужчины оказались переориентированы на неземледельческие виды деятельности, перестав осуществлять, как было принято, трудовую помощь солдатским семьям, что в глазах населения явилось нарушением основополагающих принципов справедливости.

Расслоение солдатской молодежи было связано с тем, что наличие образования создавало для выходцев из низших слоев возможность получения офицерского звания. Разделение такой сплоченной группы, как земляки и сверстники, воспринималось как несправедливое нарушение социального единства, что и было продемонстрировано после демобилизации армии, совпавшей к тому же с политическими и экономическими изменениями.

Послевоенные и революционные экономические проблемы (безработица, продовольственный кризис), дополненные разрывом традиционных хозяйственных связей между отдельными территориями, усугубляли конфликты как внутри локальных социумов, так и между ними. Вопросом, вокруг которого возникали конфликты, нарушавшие внутриобщинную солидарность, стал земельный. В предыдущие десятилетия для населения северных губерний он не был острым, но в условиях сокращения внешних заработков и перехода на самообеспечение земля вновь приобрела ценность, в том числе и для населения городов.

Формально способствуя экономическому уравнению населения, земельные разделы создавали дополнительные возможности для его дифференциации, в том числе по социальным признакам. Если имущественное расслоение использовали в своих интересах представители большевистской власти, то нарушающих внутреннее единство общинников рассматривали как потенциальную угрозу сами члены локальных социумов. Такую угрозу видели в вернувшихся из городов земляках, поскольку они претендовали на земельные наделы и к тому же нередко были носителями радикальных идеологий.

В диссертации прослеживается, как население, стремясь сохранить внутреннюю солидарность, направляло действия властей от себя в сторону таких отщепенцев. На них перекладывали возложенные на общества контрибуции, направляли их по военной или трудовой мобилизации. Однако здесь интересы новой власти и населения не совпадали. По формальным признакам такие общинники подходили под статус «бедняков», поэтому могли претендовать на должности в исполкомах и комбедах, где активно проводили в

жизнь распоряжения властей (организацию подразверсток и трудповинностей), поскольку это предполагало поощрение в виде продовольственной премии или освобождения от мобилизаций. В таких людях, а также в самых бедных общинниках, готовых принимать участие в переделе чужого имущества, население видело главную угрозу для внутренней целостности своих общин.

В условиях социальной стабильности именно пребывание *чужих* способствовало включению локальных социумов в расширенные социальные отношения и создавало предпосылки для разрыва внутриобщинных связей. Но в экстремальных обстоятельствах наличие *чужих* вело к консолидации социума на платформе совместного противостояния им. Этот процесс сопровождался формированием образа «врага», который мог возникнуть как естественное сопротивление традиционного общества некому абстрактному злу. Таковым воспринимались город и горожане, девиантные личности, к которым относились не подчинявшиеся традиционным нормам односельчане (обычно это были отходники), любые не общинники.

С другой стороны, слабость межклассового конфликта в северных губерниях подталкивала радикальные силы искусственно создавать образ «врага» из духовенства, чиновников, интеллигенции, местных торговцев и подрядчиков, направляя против них общественное негодование.

Процесс разрушения традиционной солидарности локальных обществ сопутствовал включению отдельных людей и разноуровневых групп населения в расширенное общество. Революционные события не только ускорили этот процесс, но придали ему неприемлемые для значительной части населения формы. Политическое напряжение 1917-1922 гг. создало предпосылки для актуализации социального опыта, для реанимации стратегий выживания и способов коллективного самосохранения, прежде всего в среде крестьянства, которое, благодаря возможностям самообеспечения и в какой-то степени изолированного от власти и государственного закона проживанию, могло существовать относительно самостоятельно.

Наблюдавшееся в 1919-1921 гг. воссоздание общественной консолидации происходило в виде реанимации таких социальных феноменов, как *круговая порука* и *самосуды*. В диссертации в реалиях изучаемой действительности рассмотрено применение этих форм социального поведения для целей сохранения разрушающейся под действием внешних и внутренних сил общинной солидарности.

Феномен *круговой поруки*, то есть взаимной ответственности членов локального социума, рассматривается автором в трех аспектах: как

традиционная форма взаимной ответственности, на которой основывалась система местного самоуправления; как способ привлечения (и принуждения) членов социума к коллективным и согласованным действиям; как коллективная и демонстративная форма правового нигилизма. Отмечается, что круговая порука, являясь пережитком раннего формирования социальности, поддерживалась властью с целью облегчения контроля за локальными группами населения. Анализ источников убеждает, что данный социальный феномен сохранялся в повседневной жизни населения северных губерний и в начале XX в.

К *круговой поруке* как форме самосохранения население прибегало в условиях наиболее острых конфликтов: во время революции 1905-1907 гг. и в период «военного коммунизма». Если власть не поддавалась на коллективное «давление», локальные социумы шли на крайние меры, предполагаемые *круговой порукой*, а именно, были готовы «жертвовать» наименее ценными своими членами. В таком ракурсе рассматриваются в диссертации случаи выдачи карательным отрядам в качестве зачинщиков беспорядков лиц преклонного возраста и «бабы» бунты. В критических случаях «на расправу» властям отдавали представителей местного самоуправления.

Если круговая порука явилась способом общения локальных социумов с внешними властными структурами, то реанимация в исследуемый период *самосудов* была вызвана борьбой общин с разрушающими их единство не только внешними, но и внутренними силами.

Диссертантом отмечается, что включение локальных социумов в расширенное общество сопровождалось заменой *обычного права*, в том числе в отношении нарушителей традиционных норм, на подчинение государственным законам. В условиях ослабления государственной власти, на фоне общего понижения уровня жизни и ослабления традиционного контроля, локально проживающие группы населения столкнулись с преступностью и другими социальными девиациями, что привело к возрождению традиции самозащиты в отношении как своих нарушителей, так и «чужаков».

В революционный период разрушение старой государственной машины привело к попыткам законотворчества на уровне уездов, волостей, даже отдельных селений с целью наведения порядка и предупреждения самосудов. Исследованный диссертантом материал показывает, что видимость законности придавалась экспроприациям чужого имущества, телесным наказаниям, даже казням. Соответствующие решения выносились крестьянскими обществами с соблюдением формальностей, как заимствованных от прежней власти, например, составлением заверенного подписями всех участников собрания

протокола, так и основанных на обычном праве, включая обещание общества взять на себя социальные обязательства казненных. Случаи избиения и убийства советских работников и продотрядовцев также оформлялись как общее решение, направленное на искоренение некоего явления, признаваемого населением вредным.

Содержание главы убеждает, что социальная жизнь населения северных губерний в первой четверти XX в. была наполнена событиями, связанными с формированием объективных предпосылок для разрушения внутренней солидарности и для укрепления внешних связей. На темпы и направление этого эволюционного процесса оказывали влияние проникающие в социумы извне субъекты радикальных изменений. В совокупности это угрожало существованию населения в его традиционных социальных формах. В военно-революционную эпоху модели взаимоотношений с внешним миром, позволявшие локальным социумам сосуществовать с расширенным обществом, перестали действовать. Оказались затребованными архаичные способы поддержания внутренней солидарности, построенные как противостояние чужому влиянию, и сплочение на архаичных коллективистских основах.

В своих внешних проявлениях эти способы самозащиты локальных социумов производили впечатление возвращения к примитивным формам социальности. По мнению диссертанта, это было лишь временной тактикой, своего рода защитной реакцией по отношению к предлагаемым радикальными силами революционным изменениям всех сторон жизни. Общество уже было готово к социальной реформации, что подтверждается ускоренными изменениями, которые начались с переходом после 1921 г. к мирным формам взаимоотношений власти и населения.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, которые подтверждают новизну поставленной проблемы и значимость полученных результатов. Основные выводы по диссертации сводятся к следующим тезисам:

1. Население Европейского Севера и характерные для него особые формы организации социальной жизни сформировались под влиянием комплекса региональных факторов. К началу XX в. на значительной части региона продолжали воспроизводиться условия для поддержания внутриобщинной солидарности, ведущей к экономической, социальной, культурной, психологической локализации жителей отдельных населенных пунктов. Процессы в рамках экономической и социальной модернизации рубежа и начала XX века, в значительной степени инициированные политикой царского правительства, не смогли поколебать традиционных устоев населения.

2. Историческое развитие региона, сложившаяся здесь транспортная система способствовали развитию различного рода контактов в большей степени между селом и крупными городами, чем между соседними территориями. Это означает, что существовали каналы для регулярного и достаточно резкого перехода части населения от традиционных отношений к кардинально иным социальным связям.

3. Отношение сельских обществ к миграционным тенденциям сформировалось под влиянием демографического перехода, который привел к обострению проблемы малоземелья. Они не возражали против ухода части населения в город для неземледельческих заработков, но с помощью репрессивных форм традиционной культуры препятствовали расшатыванию проверенных временем социальных норм и хозяйственных приемов. Результатом было сохранение относительной культурной однородности населения северных губерний.

4. Негативной была реакция населения северных деревень на рост благосостояния групп населения, втянутых в процесс индустриализации. В годы Первой мировой войны имущественная дифференциация усилилась в связи с государственной поддержкой семей мобилизованных солдат, а также с тем, что масштабные дорожные и портовые работы давали новые занятия и новый уровень жизни. Процессы социальной мобильности, в которые было втянуто население северных губерний, имели как восходящую, так и нисходящую тенденцию, которая у части населения проявлялась в пролетаризации, пауперизации, признаках социальной девиации. В результате революции 1917 г. к этому добавилась рурализация городского населения, потеря отдельными лицами и общественными группами своих позиций в социальной структуре или достигнутого имущественного и профессионального положения. Подобные изменения происходили в короткие по историческим меркам сроки, осложняя социально-психологический климат в обществе и способствуя нарушению традиционной солидарности. Возникшее расслоение хотя и усилило напряжение в деревне, но не привело к радикальной ломке традиционной социальной структуры.

5. Локальность отдельных групп населения Европейского Севера была нарушена социально-политическими событиями, спровоцированными революционным процессом 1917 г. – притоком в деревню фронтовиков и части горожан, возвращавшихся к земледельческим занятиям, что создало дополнительное напряжение, ставшее детонатором социальных конфликтов в недавно достаточно благополучном регионе.

6. Факторами, оказавшими влияние на выделение из среды населения северных губерний представителей «революционного поколения», были так называемый «демографический взрыв» и взаимосвязанная с ним индустриализация, которые в комплексе нарушили половозрастную и семейно-брачную структуру населения, деформировали традиционную систему социализации. На это наложилась радикальная агитация, осуществлявшаяся с конца XIX в. административно-ссыльными поселенцами и представителями местной интеллигенции. Взросление активных участников политических событий 1910-х гг. происходило в условиях ломки традиционной системы ценностей, а личностное становление – под влиянием социальных катаклизмов военно-революционной эпохи.

7. В силу особенностей исторического и социокультурного развития населения Европейского Севера России здесь отсутствовали социальные и экономические предпосылки для внутреннего раскола. Позиционирование населения в событиях 1918-1919 гг. в регионе осуществлялось под влиянием субъективных, мировоззренческих факторов, например, по отношению к традиции. Консервативные силы были представлены не только средним и старшим поколениями, но и той частью молодежи, которая получила традиционное воспитание и не испытала, по крайней мере в наиболее уязвимом, юношеском возрасте, корректирующего влияния резких социальных изменений.

Результатом противостояния внутреннему и внешнему давлению стала реанимация способов поддержания коллективной солидарности (*круговая порука*) и форм противостояния посягательствам на сплоченность социумов (*самосуды*). Применение сравнительного анализа коллективного поведения населения в схожих обстоятельствах позволило выявить его внутреннюю логику и увидеть в проявлениях этого поведения адаптированные к новым реалиям ретроспективные модели устойчивых культурных форм.

8. Важным выводом исследования является тезис, что сложная траектория истории населения Европейского Севера России в первых десятилетиях XX в. не нарушила общей направленности его развития по пути преодоления территориальной, социальной, культурной, экономической локальности, что и было окончательно достигнуто в последующий исторический период.

Публикации автора. Основные положения и научные результаты диссертационного исследования изложены в следующих работах:

Монографии:

1. *Трошина Т.И.* Великая война. Забытая война: Архангельск в годы Первой

мировой войны 1914-1918 гг. Архангельск, 2008. 11 п.л.

2. *Трошина Т.И.* От Петра I до Сталина: социальная история Русского Севера. XVIII – первая четверть XX вв. Архангельск, 2009. 29,6 п.л.

3. *Трошина Т.И.* Динамика и направленность социальных процессов на Европейском Севере России (первая четверть XX века). Архангельск, 2011. 19,6 п.л.

Работы, опубликованные в ведущих рецензируемых научных журналах и изданиях по перечню ВАК:

4. *Трошина Т.И.* Социальные процессы на Русском Севере: к теоретико-методологической постановке проблемы // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. 2007. № 1. 0,6 п.л.

5. *Трошина Т.И.* Теоретико-методологические подходы к изучению генезиса «образованного класса» и его участия в социальных процессах локального уровня // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. 2009. № 1. 0,5 п.л.

6. *Трошина Т.И.* Население и власть на Севере России // Вопросы истории. 2010. № 4. 0,9 п.л.

7. *Трошина Т.И.* Возможности междисциплинарного подхода при изучении локальной истории в переломные моменты // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. 2010. № 4. 0,5 п.л.

8. *Трошина Т.И.* Документы личного происхождения, собранные в 1920-30-е годы «Комиссиями по истории партии и революции» как источник этнографической и историко-культурной информации (на материалах Вологодского и Архангельского архивов) // Антропологический форум. 2011. № 15. 1,2 п.л.

9. *Трошина Т.И.* Документы комиссий по истории революции и партии как исторический источник (на материалах Истпартов Архангельской и Вологодской губерний) // Вестник архивиста. 2011. № 4. 0,6 п.л.

10. *Трошина Т.И.* Отношение народа к пьянству (на материалах Европейского Севера России) // Новый исторический вестник. 2011. № 2. 0,6 п.л.

11. *Трошина Т.И.* Народное пьянство в «эпоху войн и революций» (на материалах Европейского Севера России) // Новый исторический вестник. 2011. № 4. 0,6 п.л.

12. *Трошина Т.И.* Пути и способы формирования «образованного общественного слоя» (на материалах Европейского Севера России) // Образование и общество. 2011. № 4. 0,6 п.л.

13. *Трошина Т.И., Силин А.В.* 1920 год: военное противостояние, международные отношения, культурное строительство // Вестник Поморского университета. Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 1. 0,3 п.л.

14. *Трошина Т.И.* Крестьянские настроения периода «военного коммунизма» // Вопросы истории. 2011. № 2. 0,4 п.л.

15. *Трошина Т.И.* Пинежские «валеты». Восстание перевертышей в ноябре 1919

года // Родина. 2011. № 2. 0,5 п.л.

16. *Трошина Т.И.* Формы локального правотворчества в революционную эпоху (на материалах Русского Севера в 1917-1921 гг.) // История государства и права. 2011. № 12. 0,5 п.л.

17. *Трошина Т.И.* Положение представителей местного самоуправления в кризисную эпоху (на примере северных губерний Европейской России в 1918-1921 гг.) // История государства и права. 2011. № 20. 0,5 п.л.

18. *Трошина Т.И.* Крестьянские «самосуды» в революционную эпоху: актуализация коллективного опыта (на материалах северных губерний Европейской России) // Российская история. 2012. № 2. 0,9 п.л.

19. *Трошина Т.И.* Роль военнослужащих в социально-культурном преобразовании общества (на материалах Европейского Севера России) // Военно-исторический журнал. 2012. № 3. 0,8 п.л.

20. *Трошина Т.И.* Специфика народного правотворчества на Европейском Севере России в условиях «вакуума власти» 1918-1921 годов // Социум и власть. 2012. № 3. 0,5 п.л.

21. *Трошина Т.И.* Население как объект социально-исторического исследования // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Гуманитарные и социальные науки. 2012. № 2. 0,4 п.л.

22. *Трошина Т.И., Голдин В.И.* Рецензия на книгу: Морозова О.М. Два акта драмы: боевое прошлое и боевая повседневность ветеранов Гражданской войны. Ростов/н/Дон, 2010. // Вопросы истории. 2012. № 10. 0,5 п.л.

Статьи в других научных изданиях:

23. *Трошина Т.И.* Психосоциальные формы развития личностной идентичности и влияние на них историко-географических условий (на примере населения Русского Севера) // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2005. Вып. 2. 1 п.л.

24. *Трошина Т.И.* Изменение социальной идентичности личности в условиях социокультурного кризиса (опыт полидисциплинарного исследования революционных событий первой четверти XX века на Русском Севере) // Клио: журнал для ученых. 2007. № 2. 0,6 п.л.

25. *Трошина Т.И.* Как идея овладевала массами: процесс политизации населения Архангельской губернии в период «от Февраля к Октябрю» // 1917 год в судьбах России и мира: сб. материалов науч. конф. Архангельск, 2007. 0,5 п.л.

26. *Трошина Т.И.* Влияние природно-климатических условий на повседневную жизнь и психологию населения (на материалах о русском населении Европейского Севера России) // Быт как фактор экстремального влияния на историко-психологические особенности поведения людей: материалы XXII Междунар. науч. конф. СПб., 2007. 0,3 п.л.

27. *Трошина Т.И.* Феномен «женской активности» в революционную эпоху (на

материалах Европейского Севера в 1905-1925 гг.) // Гендерное равноправие в России: материалы Междунар. науч. конф. СПб., 2008. 0,6 п.л.

28. *Трошина Т.И.* Военнослужащие как социальные и культурные маргиналы (на материалах Европейского Севера России) // Эволюция революционности и консерватизма в социальных слоях России и других государств: материалы XXIII Междунар. науч. конф. СПб., 2008. 0,3 п.л.

29. *Трошина Т.И.* Духовенство как культурный медиатор: влияние приходских священников на развитие социокультурных процессов (на материале Архангельской губернии) // Православие в Карелии: материалы III регион. науч. конф. Петрозаводск, 2008. 0,5 п.л.

30. *Трошина Т.И.* Разрушение патриархально-семейных отношений и формирование «комплекса ваны жукова» // Историко-психологический портрет семьи: материалы XXIV Междунар. науч. конф. СПб., 2008. Ч. I. 0,3 п.л.

31. *Трошина Т.И.* Влияние природно-географического фактора на социокультурное развитие северорусского населения // Поморские чтения по семиотике культуры. Архангельск, 2009. Т. 3. 1 п.л.

32. *Трошина Т.И.* Местное самоуправление и «вопрос о земле»: 1917-1921 гг. (на материалах Архангельской губернии) // Местное самоуправление как ресурс территориального развития: взгляд из Яренска: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Архангельск, 2009. 0,7 п.л.

33. *Трошина Т.И.* Северная железная дорога и ее влияние на социокультурное и экономическое развитие региона // Северная железная дорога и развитие прилегающих территорий: материалы межрегион. науч.-практ. конф. Коноша, 2009. 0,5 п.л.

34. *Трошина Т.И.* «Жизненные истории» как пересечение интересов психологов, социологов, историков // Методы исторической психологии: материалы XXVI Междунар. науч. конф. СПб., 2009. 0,3 п.л.

35. *Трошина Т.И.* «Человек как зеркало русской революции»? Просопографический метод реконструкции социально-психологического образа «участника революционных событий» // Россия и мир: история, международные отношения, наука и образование: сб. науч. ст. М.; Архангельск, 2009. 0,4 п.л.

36. *Трошина Т.И.* «Один за всех. Все за одного» (феномен «круговой поруки») // Человек в условиях мировых социальных и природных катаклизмов: материалы XXVII Междунар. науч. конф. СПб., 2010. 0,3 п.л.

37. *Трошина Т.И.* К вопросу об использовании научной категории «качество жизни населения» в исторических исследованиях // Качество жизни населения как приоритетное направление научно-исследовательской и практической деятельности в области социальных наук: сб. материалов науч.-практ. конф. Архангельск, 2009. 0,8 п.л.

38. *Трошина Т.И.* «Их выбрало время» (к вопросу о влиянии общих условий социализации на формирование поколения участников событий Революции и

Гражданской войны) // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: XVIII Адлеровские чтения: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Краснодар, 2010. 0,4 п.л.

39. *Трошина Т.И.* «Подруги дней суровых...» (влияние политических ссыльных на женщин, проживающих в местах ссылки: на материалах Мезенского уезда Архангельской губернии) // Женская история и современные гендерные роли: материалы III Междунар. науч. конф. Рос. ассоц. исследователей женской истории. М., 2010. Т. 2. 0,4 п.л.

40. *Трошина Т.И.* Коллекции воспоминаний, собранных региональными «комиссиями по изучению истории революции и коммунистической партии», как историко-психологический источник // Воспоминания и дневники как историко-психологический источник: материалы XXIX Междунар. науч. конф. СПб., 2011. 0,3 п.л.

41. *Трошина Т.И.* «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты!» К вопросу о мотивации поступления в Красную армию (на материалах личных воспоминаний участников Гражданской войны) // Личность. Общество. Государство. Проблемы развития и взаимодействия: XX Адлеровские чтения: материалы науч.-практ. конф. Краснодар, 2011. 0,4 п.л.

42. *Трошина Т.И.* Гендерные различия преступного поведения: исторический аспект и региональная специфика (северные районы Европейской России в первой четверти XX века) // Частное и общественное: гендерный аспект: материалы IV Междунар. науч. конф. Рос. ассоц. исследователей женской истории. М., 2011. Т. I. 0,4 п.л.

43. *Трошина Т.И.* «Плоды просвещения» бывают разные... (к постановке проблемы о возникновении «нелепых» слухов и толков) // Слухи как специфический историко-психологический источник: материалы XXVIII Междунар. науч. конф. СПб., 2010. 0,3 п.л.

44. *Трошина Т.И.* Первая мировая война как эпизод биографии поколения (на материалах Европейского Севера России) // Великая война 1914-1918 гг.: альм. Рос. ассоц. историков Первой мировой войны. М., 2011. Вып. I. 0,5 п.л.

45. *Трошина Т.И.* Изучение локальной истории через «человеческое содержание» социально-исторического и социально-культурного процесса: опыт «поколенного анализа» истории Европейского Севера в первой четверти XX века // Модернизация современной России: проблемы и пути решения: сб. ст. по итогам Междунар. науч.-практ. конф. Архангельск, 2011. 0,6 п.л.

46. *Трошина Т.И.* Первая мировая война как «пусковой механизм» процесса социальной депривации (на материалах социальной истории северных губерний России в первой четверти XX века) // Первая мировая война, Версальская система и современность: сб. ст. СПб., 2012. 0,5 п.л.